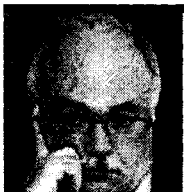

Иосиф Дзялошинский: «Наше население не готово позитивно относиться к благотворительности»

Иосиф
ДЗЯЛОШИНСКИЙ,
кандидат
филологических
наук, профессор
кафедры публичной
политики Высшей
школы экономики

ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ
КИРЕ РЕМНЕВОЙ

Иосиф Михайлович, почему в современной России тормозится развитие благотворительности?

Сегодня есть несколько веских противоречий, которые тормозят развитие этого рынка. Первое противоречие связано с политикой. Российское государство после прихода к власти Владимира Путина, взяло линию на концентрацию в руках всех основных ресурсов социального развития во всех сферах жизнедеятельности общества. Властные структуры берут под свой контроль в том числе и те ресурсы, которые бизнес готов вкладывать в благотворительность. Бизнес-сообществу сегодня говорят: надо не туда вкладывать, а сюда, помогать не этой школе, а этой. Иногда

нес теряет в этой сфере инициативу и действует, как правило, из-под палки. Просто так отдавать деньги власти, помогая ей латать дыры в социальной политике, никому не хочется. Так что благотворительность сегодня существует скорее формально: хочешь, чтобы бизнес развивался и тебе не мешали, – ты в «добровольном порядке» поможешь благоустройству города, построишь сквер или заасфальтируешь улицу. В этом смысле благотворительность есть, но это не классическая благотворительность, когда ты лично принимаешь решение.

Но ведь в основе благотворительности не столько желание угодить власти, сколько все-таки помощь нуждающимся. Возможно ли, что именно те, кому действительно нужна помощь, стали тем рычагом, благодаря которому этот рынок стал бы развиваться?

Дело в том, что сегодня наше население не готово позитивно относиться к благотворительности. Это особая ментальная проблема. Так сложилось, что россияне по-прежнему во всех своих бедах уповают на власть. Ждут, что государство им поможет, и когда приходит частный благотворитель, то отношение к нему подозрительное. Кроме того, часто российские власти в регионах присваивают себе эффекты от благотворительности: соответствующим образом отчитываются, и каждый знает, что

РОССИЯНЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ
ВО ВСЕХ СВОИХ БЕДАХ УПОВАЮТ
НА ВЛАСТЬ. ЖДУТ, ЧТО
ГОСУДАРСТВО ИМ ПОМОЖЕТ

эти предложения как-то аргументируются, иногда просто указывается адрес благотворительности. Но поскольку российская власть умеет очень убедительно «указывать», то биз-

если что-то в городе сделано, то это благодаря власти. Свою роль сыграла специфическая «народная социология», которая обозначает благотворительность как способ отмывания денег или очистку совести: награбили, нахapaли, а теперь нам немножко дают. Влияет, видимо, и то обстоятельство, что в старые времена любая благотворительность освящалась авторитетом церкви. Благотворительность как форма взаимоотношений между обеспеченными слоями населения и бедными возникает в определенных обществах и формируется на основе религиозной модели взаимоотношений. На Руси помощь нищим, сирым и убогим рассматривалась как очень богоугодное дело и за это многое прощали. Советский перерыв изменил сознание в том смысле, что все проблемы решает государство, и эта привычка осталась. Сейчас благотворительность – это частное дело благотворителя, а частный интерес всегда подозрителен.

Да, но вместе с этим изменились и мотивы самих благотворителей. К примеру, благодаря благотворительным акциям можно организовать широкомасштабную PR-кампанию. Почему не используется этот механизм?

В нашей стране «благотворительный пиар» пока что оказывается неэффективным. На Западе благотворительность как PR воспринимается позитивно, и пресса, в принципе, всегда с большим энтузиазмом освещает какие-либо благотворительные акции. А значит, получается паблисити, PR-эффект, когда любая ак-

ЧТО-ТО Я НЕ ПОМНЮ, ЧТОБЫ ТЕ ЖЕ УЧИТЕЛЯ И БИБЛИОТЕКАРИ, ПОЛУЧАВШИЕ ПОМОЩЬ ОТ ХОДОРКОВСКОГО, СИЛЬНО ПРОТЕСТОВАЛИ ПРОТИВ ЕГО АРЕСТА

ция – уже информационный повод для СМИ. В России ситуация немного другая. Во-первых, некоторые благотворители опасаются публичности, потому что наша система такова, что отчислять деньги на акции и проводить их по всем проводкам, это дело сложное. Налоговые органы могут заинтересоваться и потребовать полного отчета. Во-вторых, PR-эффект – ничтожен. Ты можешь сколько угодно жертвовать на благородные дела, а пресса будет относиться к этому не как к благородному поступку, а все время искать теньевые стороны. Анализ показывает, что объемы благотворительности, даже при вполне профессиональной раскрутке

с помощью СМИ, практически не влияют на имидж бизнес-структур.

Почему же? Вспомните, к примеру, сколько позитивных отзывов в свое время было о благотворительной деятельности Михаила Ходорковского.

Ходорковский первым в российском бизнесе поставил социальные акции на широкую ногу. Он создал Федерацию интернет-образования, через которую прошли десятки тысяч школьных учителей. Он оснастил компьютерным оборудованием множество школ и библиотек. И вот этот PR – PR из уст в уста, когда учителя рассказывали, что они учились бесплатно, когда они показывали детям, что эти компьютеры купил им Ходорковский, – создал ему в этой среде – школах и библиотеках небольших городов и сел – большую популярность. Плюс большое количество соответствующих публикаций. Однако все это нисколько не помешало значительному большинству населения поддержать власть, когда она приняла решение разгромить бизнес Ходорковского, а заодно и выстроенную им систему благотворительности. Что-то я не помню, чтобы те же учителя и библиотекари, получавшие помощь от Ходорковского, сильно протестовали против его ареста.

Означает ли совокупность всех перечисленных вами факторов, что рынок благотворительности в современной России закончился, так фактически и не начавшись?

Благотворительность возникает и развивается естественным путем только тогда, когда между 10 процентами самых богатых и 10 процентами самых бедных слоев населения есть некоторые естественные отношения, при которых богатство и бедность рассматриваются как некоторые естественные состояния. И в этом естественном состоянии богатый должен помогать бедным – в этом суть религиозной модели благотворительности. Но последние десятилетия на Западе, и в России формируется модель гражданского общества, где все равны. Где быть бедным – это непристойно. Поэтому человек рассматривает свою бедность не как естественное состояние – я беден, потому что так получилось, – а как что-то ненормальное. Мы проводили исследование в этой сфере. Примерно 3/4 россиян ощущают себя униженными и оскорбленными из-за того, что по своему материальному благополучию они существенно отстают от той группы людей, которую постоянно показывают по телевизору. Но при этом люди обвиняют не себя (или как в прежние времена – судьбу) в том, что они бедные, а вполне конкретных социальных субъектов. На

ДЕНЬГИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

первом месте власть, за исключением президента. Власть обвиняют во всех смертных грехах: неправильно правит, несправедливо собственность раздала во времена Ельцина и прочее, прочее. На втором месте – богатые люди. 64-67 процентов россиян испытывают к богатым людям только негативные эмоции. На третьем месте виновниками всего на свете являются приезжие. Уровень ксенофобии, дискриминации – тоже около 70 процентов. И на четвертом месте – Запад, который, по мнению значительной части населения, вредит нам как может. Вот квадрат ненависти. Я к чему клоню: если человек убежден в том, что он беден не потому, что судьба такая или он плохо работает, а потому, что в этом кто-то виноват, никакая благотворительность его не удовлетворит. Можно констатировать, что сегодня в России исчезла некоторая естественность взаимоотношений между благотворителем и благополучателем. Благополучатель считает, что ему все должны помогать. Он не благодарит за помощь, а удивляется, почему ее так мало. Идея о том, чтобы у богатых отнять часть их богатств и поделить между бедными, в России популярна. Это означает, что концептуальная модель благотворительности, опирающаяся на некоторые естественные отношения, рушится. Поэтому я полагаю, что в современной российской ситуации классическая благотворительность не имеет будущего. **Можно ли в этом случае говорить о том, что отношение к благотворителям на Западе тоже будет меняться?**

КЛАССИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НЫНЕШНЕМ ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ МИРЕ ДОЛЖНЫ БУДУТ МЕНЯТЬСЯ

Я плохо знаю западную практику благотворительности, но некоторые собственные наблюдения и разговоры с коллегами дают основание для вывода о том, что мы с разных концов пришли к одному и тому же результату. Меняется класс бедных. Социально ориентированные государства берут на себя заботу об уязвимых группах населения. Идея свободы личности разрушает былую патриархальность отношений. Когда, скажем, в Англии или Америке богатые люди собираются на балы, доходы от которых идут бедным, – и СМИ и население смеются над этими акциями. Поэтому западная модель тоже стоит на

пороге довольно крутых изменений. Какой она будет, я пока не знаю: пойдет ли речь о создании неких фондов, обобщающих проблему благотворительности, или это будут какие-то иные форматы. Но у меня ощущение, что все классические модели социального взаимодействия в нынешнем постмодернистском мире должны будут меняться. В том числе и модель благотворительности.

А как трансформируется модель благотворительности в России?

Я вижу три возможных сценария. Первый – укрепление государства. Это то, что делал Путин и, видимо, будет продолжать делать Медведев. А значит, государство возьмет на себя еще больший контроль над всеми процессами, т.е. благотворительность будет государственным делом. Как-то видел по телевизору странную программу – огромному количеству людей вручали орден «Герой нации» за благотворительность. Называлось все это «социальное партнерство»: такой-то, такой-то построил в таком-то селе спортивную площадку – герой нации. Я веду к тому, что государство называет определенных субъектов героями нации, потому что они помогли городу решить какие-то проблемы. Вот это то, что будет при сценарии дальнейшего укрепления государственности. Второй путь, куда менее вероятный. Россия будет превращаться в либерально-демократическое государство, с обособленными системами бизнеса. Бизнес будет платить налоги государству и отчитываться по обязательным параметрам. Мне кажется, что в этом случае между благотворителем и благополучателем будут возникать крупные организации, фонды типа САФ, которые будут знать, где, кому и что надо, и как это делать. Ведь, когда лично благотворитель сам начинает кого-то благодетельствовать, получается очень смешно – один из детдомов купается в роскоши, а остальные ничего не получают. Третий вариант, совсем страшный, – это реализация тоталитарного сценария, с полной концентрацией всех ресурсов, с ликвидацией любой частной инициативы, в том числе и в сфере благотворительности. Правда, сегодня такой сценарий уже едва ли возможен. Наиболее вероятен вариант путинско-медведевского сильного государства, которое будет не жестко управлять, но регулировать процессы благотворительности. Это означает, что они будут встроены в государственную политику. Я пока вижу так. Отсюда большой интерес к практике социального партнерства: власть говорит, бизнес платит, тогда кто-то что-то делает. ■